
ГЛОБАЛЬНАЯ ГЕОПОЛИТИКА – РЕАЛИИ И ТЕОРЕТИЧЕСКОЕ ЗНАНИЕ XXI в.

Кефели И. Ф.

д. ф. н., профессор, заведующий кафедрой культурологии
и глобалистики Балтийского государственного технического
университета «Военмех» им. Д. Ф. Устинова,
вице-президент Академии геополитических проблем.

E-mail: geokefeli@mail.ru

Анализируются новые горизонты глобального мира, в котором просматриваются контуры глобальной культуры и глобальной идеологии. Ретроспективный взгляд в прошлое предстает в новой парадигме – глобальной истории. В глобальной экологии лидирующую роль начинает занимать концепция устойчивого развития. В мировой политике все более явно просматривается курс на переход от силовой геополитики, зародившейся на рубеже XIX–XX вв. и олицетворившей передел мира между колониальными державами и мировые войны, к геополитике глобальной. Геополитическим образом глобального мира, следуя логике устойчивого развития, является единство геоцивилизаций – «больших пространств», динамичное развитие которых в многополярном мире является залогом сохранения человечества.

Ключевые слова: *глобальный мир, глобальная геополитика, глобальное оружие, сетевые войны, многополярный мир, геоцивилизации.*

There are analyzed new prospects of global world, where the outlines of global culture and global ideology are noticeable. The hindsight into the past appears in a new paradigm – global history. The sustainable development concept starts to acquire the leading role in global ecology. In the world politics there is an obvious tendency towards the transition from the power geopolitics, that emerged at the turn of the 19th – 20th centuries and symbolized the redivision of the world among colonial powers and world wars, to the global geopolitics. The geopolitical image of the global world, following the logic of sustainable development, is a unity of geocivilizations – “huge spaces”, whose dynamic development within multipolar world appears to be an essential condition for the human survival.

Keywords: *global world, global geopolitics, global weapon, network-centric wars, multipolar world, geocivilizations.*

Ученые и политики ломают копыта по поводу поиска целей, средств, механизмов глобального управления и установления нового мирового порядка. Наш мир опутан сетями глобального терроризма, а военные стратеги и конструкторы заявляют о создании глобального оружия, которое ждет своего применения в войнах шестого поколения – так называемых сетевых войнах. Но в то же время в миро-

вой политике все более явственно просматривается курс на переход от силовой геополитики, зародившейся на рубеже XIX–XX вв. и олицетворившей передел мира между колониальными державами и мировые войны, к геополитике глобальной. В недрах глобальной геополитики формируется императив дальнейшего развития глобального мира как единства геочивилизаций – «больших пространств», динамичное развитие которых является залогом сохранения человечества.

На протяжении своей истории геополитика, основываясь на принципе географического детерминизма и методологии политической географии, развивалась относительно автономно в рамках системы политических наук. Первоначально теоретические построения основателей геополитики опирались на достаточно ограниченный понятийный аппарат: пространство, государство, сила, граница. В геополитическом ключе все многообразие межгосударственных отношений интерпретировалось следующими суждениями. 1) Государство есть пространственный феномен, подобный живому организму. Это суждение порождало и соответствующие образы: дерево (Ф. Ратцель), рука человека (Р. Челлен), анаконда (А. Мэхэн). 2) Функция государства – силовой контроль над пространством. 3) Геостратегия государства заключается в установлении прямого силового контроля (военного и политического) над пространством.

Классическая геополитика зародилась на рубеже XIX–XX вв. как теоретическая система, соответствующая устройству Вестфальского мира, основными политическими акторами которого были суверенные государства.

К концу XX в. мир изменился коренным образом, поскольку наряду с государствами акторами мировой политики стали выступать также негосударственные и межгосударственные организации, транснациональные корпорации, геочивилизации. Взаимодействие политических акторов порождает ряд проблем, требующих совместного решения на основе политической философии, геополитической теории, норм международного права. Речь идет, во-первых, об ответственности политических акторов за их действия на международной арене, так как они могут идти вразрез с национальными интересами. Это могут быть акторы, преследующие вненациональные интересы (транснациональные корпорации) либо деструктивные цели (международные террористические организации). Во-вторых, деятельность многочисленных и разнородных акторов, возникших во второй половине XX в., порождает ситуацию неопределенности, размытости политической карты мира, непредсказуемости их действий. В-третьих, нарушается соподчиненность и согласованность действий акторов в рамках одного государства или региона. В-четвертых, политическая карта мира представлена геочивилизациями, которые объединяют государства по исторически сложившимся этническим, конфессиональным, хозяйственным, пространственным параметрам. Однако нормы международного права не регулируют отношений между геочивилизациями. Пока же мы знаем лишь тот тип отношений между ними, который С. Хантингтон определил как «столкновение цивилизаций». Все это является показателем фундаментальных подвижек в Вестфальской системе мира и необходимости определения контуров новой системы мира совместными усилиями теории мировой политики, международного права и геополитики.

Беловежская геополитическая эпоха наступила после распада Советского Союза и мировой системы социализма. Завершилась холодная война, США заявили претензии на утверждение однополярного мира, что выразилось, в частно-

сти, в расширении зоны влияния НАТО. Карта глобальной геополитики радикальным образом изменилась. Дж. Аллен представил ее в «Атласе мировой политики» (Allen 2006: 33) следующим образом. На ней четко прослеживаются региональные геополитические границы (geopolitical regional boundaries) и глобальные геополитические границы (geopolitical realm boundaries) между макрорегионами (realm – область, сфера). Так, в частности, Евразийский континентальный макрорегион, сосредоточенный вокруг России (Eurasian continental realm), как отмечает автор, менее подвержен экономическому и культурному влиянию извне и политически замкнут.

На наших глазах происходит размежевание глобального геополитического пространства на два полюса. Один – «атлантический», объединяющий США и Западную Европу, олицетворяет тот самый «золотой миллиард», который претендует на единоличное управление (в первую очередь со стороны США) всеми мировыми процессами. Второй – «тихоокеанский», основными генераторами которого выступают Япония и Китай. Причем Япония относится к числу стран «золотого миллиарда», но геополитически является неотъемлемым звеном «тихоокеанского» полюса. В свою очередь, Китай интенсивно расширяет зону своего континентального и морского влияния (включая Центральную Азию, Австралию и даже Латинскую Америку). Поэтому на ближайшие годы, следует полагать, основным содержанием мировой политики будет нарастание конфликтного потенциала между этими двумя глобальными центрами силы, что в полной мере выражает действие одного из законов диалектики, согласно которому источником развития является борьба противоположных тенденций, сторон развития. Но нельзя забывать, что если источником развития выступает борьба противоположностей, то условием сохранения целостности выступает единство этих противоположностей.

В этой складывающейся по-новому геополитической структуре мира предстоит выработать коды и исламскому миру, и странам Латинской Америки и Африки, и Индии, и Китаю, и России. Выходит, что формирование геополитических кодов в современной мировой политике – это удел не только тех или иных держав, но и целых цивилизаций. Отсюда урок для Большой России (в пределах всего постсоветского пространства): необходимость сохранения своего самостоятельного пути в мировой истории – не склоняясь ни в сторону Запада, ни в сторону Востока. О неизбежности установления многополюсного мира давно заявляли отечественные геополитики. Признать ее стали политические лидеры: впервые на Мюнхенской конференции в феврале 2007 г. о ней заявил В. В. Путин, а в сентябре 2009 г. на Генеральной Ассамблее ООН – Б. Обама. «Ни одна страна не может и не должна пытаться господствовать над другой. Никакой мировой порядок, возвышающий одну страну или группу людей над другой, не увенчается успехом», – сказал он. Надо полагать, что эти слова относятся и к самим США. Многополюсный мир объективно предполагает сохранение государств – ядер этих полюсов. На Евразийском континенте одним из таких ядер выступает именно Большая Россия. Стоит напомнить, что русский геостратег А. Е. Вандам (Едрихин) еще накануне Первой мировой войны, анализируя русскую историю с геополитической точки зрения, недвусмысленно заявлял, что англосаксы, утвердив свое господство над всеми океанами и тремя с половиной материками, основали Океанскую Империю, а Россия определилась на Евразийском континенте как «Сухопутная Российская Империя». И А. Вандам завершает одну из своих работ

пророческими словами: «Россия велика и могущественна. Моральные и материальные источники ее не имеют ничего равного себе в мире, и если они будут организованы соответственно своей массе, если задачи наши будут определены ясно и точно, и армия и флот будут в полной готовности в любую минуту выступить на защиту наших собственных, правильно понимаемых интересов – у нас не будет причин опасаться наших соседей...» (Вандам 2002: 186). В соответствии с высшим приоритетом национальной безопасности – защитой интересов личности, общества и государства – геополитические интересы России выражены в Концепции внешней политики Российской Федерации (12 июля 2008 г.), которая определяет необходимость достижения, в частности, следующих целей:

– обеспечение безопасности страны, сохранение и укрепление ее суверенитета и территориальной целостности, прочных и авторитетных позиций в мировом сообществе, в наибольшей мере отвечающих интересам Российской Федерации как одного из влиятельных центров современного мира и необходимых для роста ее политического, экономического, интеллектуального и духовного потенциала;

– поддержка и популяризация в иностранных государствах русского языка и культуры народов России, вносящих уникальный вклад в культурно-цивилизационное многообразие современного мира и в развитие партнерства цивилизаций.

Как отмечается в Стратегии национальной безопасности Российской Федерации до 2020 г. (утвержденной Указом Президента Российской Федерации от 12 мая 2009 г.), «в результате укрепления новых центров экономического роста и политического влияния складывается качественно новая геополитическая ситуация». Эта новая геополитическая ситуация как раз и характеризуется как становление многополярного мира, анализом которого занимается глобальная геополитика. С содержательной стороны она выступает преемницей цивилизационной научной программы, имеющей глубокие корни в социогуманитарном знании, в котором воплотились преимущественно европейские и российские традиции. В своем социально-политическом выражении глобальная геополитика воплощается в «диалектическом соревновании» процессов глобализации и регионализации. Интенция глобализации характеризуется стремлением к отрыву целей человеческой деятельности от настоящего, реально существующего, когда создаваемые средства воздействия на окружающий мир не соответствуют целеполагающей деятельности. А это зачастую приводит к потере смысла социального бытия. Специалисты достаточно убедительно и достоверно прогнозируют глобальное, повсеместное распространение научных, медицинских, военных и иных достижений, но не способны представить динамику человеческих отношений и изменения в соотношении целей и средств человеческой деятельности. С другой стороны, интенция регионализации находит свое выражение в сохранении самобытности национальных культур и геополитических кодов. Таким образом, глобальная геополитика выходит на уровень аксиологических, смысловых оценок геополитических процессов в современном мире.

Глобальная геополитика претендует на открытие если не мировых законов, то по крайней мере сюжетных констант мировой истории. На это же претендовала и классическая геополитика начиная с Х. Макиндера, но у геополитики глобальной на то, пожалуй, имеется больше оснований. Во-первых, потому, что ее акторами выступают не только государства (притязания некоторых из них в конце XIX в. на передел мира и захват колоний, собственно, и послужили основанием

для возникновения геополитики), но и геочивилизации, имеющие более богатую культурную историю, нежели политическая история тех или иных государств. Во-вторых, методологический аппарат глобальной геополитики не ограничивается лишь географическими образами и аналогиями из области естествознания. Он включает аппарат синергетики (И. Пригожин как-то даже заявил о возможности построения «теории всего на свете»), способной описать состояния хаоса в динамических системах), информатики (И. А. Василенко вполне справедливо заявляет, что геополитика XXI в. будет характеризоваться борьбой панидей в информационном пространстве), логико-математического моделирования геополитических процессов и др. (Пригожин 1994: 258; Василенко 2006; Розов 2002; Акаев, Малков 2009). В-третьих, если согласиться с В. Л. Цымбурским относительно того, что геополитика не является наукой в точном смысле, а представляет законный предмет политической науки как вид политической практики, то и в этом случае глобальной геополитике присуща значительная методологическая, эвристическая и прогностическая функции.

Выше отмечалось, что глобальная геополитика явилась преемницей в первую очередь цивилизационной научной программы. Однако, если быть более точным, в ее становлении решающую роль сыграли концепции хартленда (Х. Макиндер), панидей (К. Хаусхофер), Номоса земли (и моря) и Больших пространств (К. Шмитт), а также геополитика «новых правых» (Ален де Бенуа и его последователи) и русская евразийская школа (П. Н. Савицкий, Г. В. Вернадский и др.). В данном случае вполне уместно проследить эволюцию концепции хартленда Х. Макиндера на примере его трилогии – последовательно, с интервалом в 15–25 лет, опубликованных им работ – «Географическая ось истории» (1904 г.), «Демократические идеалы и реальность» (1919 г.) и «Круглая земля и обретение мира» (1943 г.). При этом надо отдать должное В. Л. Цымбурскому, который первым сделал доступный отечественным читателям русский перевод последней из перечисленных выше работ Первого Геополитика (так Цымбурский вполне заслуженно называет Макиндера) и обстоятельный анализ его творческого наследия. Отметим ряд ключевых положений этих авторов применительно к предмету наших рассуждений (Макиндер 2006; Цымбурский 2006). Макиндер предваряет историю формирования стратегического понятия «хартленд» воспоминаниями о событиях, относящихся к 1870 г., осознание которых пришло к нему спустя годы. Тогда, писал он в начале статьи «Круглая земля и обретение мира», еще «никто не оспаривал господства Британии над океаном, и единственную опасность для своей заморской империи она видела в это время в азиатском курсе [position] России + Британская морская мощь и российская сухопутная мощь твердо владели центром международно-политической сцены» (Макиндер 2006: 56). Событиями, которые непосредственно обусловили рождение идеи хартленда, явилась, во-первых, Англо-бурская война (1899–1902 гг.), в ходе которой Англия стремилась не только завладеть естественными ресурсами бурских республик, но и обеспечить британское господство (соперничая с Германией и Францией) на Африканском континенте от Кейптауна до Каира. Другим событием явилась Русско-японская война (1904–1905 гг.), победа Японии в которой была во многом обусловлена поддержкой со стороны Англии и США. «Таким образом, – отмечал Макиндер, – доклад, который я прочитал в начале этого года (январь 1904 г. – *И. К.*) в Королевском Географическом обществе, под названием “Географическая ось истории”, был

вполне на злобу дня» (Макиндер 2006: 56). В контексте наших рассуждений важно обратить внимание на соображения Макиндера по поводу одной великой черты всемирной географии – некоего подобия пояса, как бы обвитого вокруг тяготеющих к Северному полюсу регионов. Этот пояс «начинается с пустыни Сахара, затем, если двигаться на восток, обретает свое продолжение в арабских, иранских, тибетских и монгольских пустынях и через пустоши “земли Лены” (Восточная Сибирь. – *И. К.*), Аляски и Лаврентийской возвышенности в Канаде дотягивается до засушливой зоны на западе Соединенных Штатов. Этот пояс пустынь и пустошей – черта первостепенной важности во всемирной географии. Внутри него обретаются два взаимно соотнесенных явления почти равной значимости: хартленд и бассейн Средиземного океана (Северная Атлантика) с его четырьмя придатками (Средиземным, Балтийским, Арктическим и Карибским морями). За пределами этого пояса – Великий океан (Тихий, Индийский и Южно-Атлантический) и земли, отдающие ему свою речную влагу (азиатские муссонные края, Австралия, Южная Америка и Африка к югу от Сахары), но регион между Миссури и Енисеем, с его великими воздушными магистральями коммерческого флота Чикаго – Нью-Йорк и Лондон – Москва и со всем, что будет озаменовано их развитием, должен быть первостепенным предметом заботы, ибо призван стать той самой [Архимедовой] опорой» (Там же: 62). Так в «Круглой земле и обретении мира» закладывались основания глобальной геополитики в ее силовом варианте и формировался паттерн «круглой земли»: «Россия-хартленд» contra «Средиземный океан».

Следует обратить внимание на то, что трилогия Макиндера предстает как четкая последовательность этапов осмысления ранних этапов становления объединенного мира – того мира, который изменялся при переходе от одной глобальной формации к другой, в течение XX в. Геополитические процессы на протяжении XX в. приводили к образованию новой геополитической конфигурации, эпицентром которой, следуя логике рассуждений Макиндера («корреляция между крупнейшими историческими и крупнейшими географическими обобщениями»), выступала Россия-хартленд. Так, в «Географической оси истории» она представляется как соперница Англии вдоль огромной дуги от Балкан, Черноморских проливов и Центральной Азии до Тихого океана, что явилось следствием англо-русской холодной войны на протяжении предшествующих 50 лет (Постников 2005). В «Демократических идеалах и реальности» отсутствует геополитический образ России как государства (вспомним, что это был период Гражданской войны), которое представляло бы, согласно автору, «осевое пространство». Наконец, в «Круглой земле и обретении мира» Россия-хартленд предстает в политическом смысле как «величайшая сухопутная держава в сильнейшей оборонительной позиции». Каждая из частей трилогии Макиндера воплощает собственный образ мира, сюжет и проект, оправданные в событийной логике конкретной эпохи.

В процессе становления новой геополитической картины мира ряд государств выказывают намерение стать центрами регионального тяготения, что воплощается в кристаллизации «больших пространств», предсказанных некогда К. Шмиттом и представителями геополитики «новых правых», чему предшествовали изменения глобальной геополитической конфигурации после окончания мировых войн XX в. Причем основой формирования таких «больших пространств» должно стать не только экономическое и политическое объединение государств в регио-

нальные блоки, но и цивилизационное единение этнических и конфессиональных групп в масштабах современных гецивилизаций как ключевых акторов мировой политики. При этом стратегическое единство должно подкрепляться единством изначальной культуры. Пример тому дала Объединенная Европа. Ныне на наших глазах созревают такие конкретные «большие пространства», как СНГ, Большой Ближний Восток, Большая Центральная Азия, Большая Южная Азия, Большой Китай, Большой Каспий, Большое Средиземноморье.

Экономический фундамент создания подобных «больших пространств» предсказал в свое время Фридрих Лист, который пришел к выводу, что спасением для государства, конкурирующего с либеральными соседями, но вставшего на самостоятельный хозяйственный путь в более поздние исторические сроки, является только одно – «автаркия больших пространств». Смысл этой теории заключается в том, что открытость хозяйственной структуры является одним из важнейших звеньев социально-экономической динамики общества. Однако по отношению к более развитым государствам эта открытость неминуемо ведет к утрате суверенитета. Такая ситуация предполагает избирательную открытость, которая реализуется в отношении государств, столь же или менее развитых, нежели данное государство, но должна выступать «железным занавесом» в том случае, когда речь идет о более развитых государствах. В последнем случае экономические отношения сводятся не к таможенной блокаде, а к такому сотрудничеству, которое обеспечивает геополитическую безопасность государства. Иными словами, единственно возможная «автаркия» может эффективно существовать только на территории «больших пространств», а не в пределах отдельно взятых государств. Впрочем, применительно к России вполне правомерно, хотя и с определенными ограничениями, рассматривать в качестве «больших пространств» федеральные округа.

В контексте глобальной геополитики, думается, следует прислушаться к голосу некоторых мыслящих представителей стран «золотого миллиарда», трезво реагирующих на нынешний мировой экономический кризис. Так, президент Швейцарской Конфедерации Х.-Р. Мерц на открытии экономического форума в Давосе в январе 2009 г. недвусмысленно заявил, что «глобальным игрокам надо принять новую систему надзора и регулирования», поскольку традиционные (общечеловеческие) «нормы поведения были принесены в жертву прибыли». Мировой экономический кризис выявил несостоятельность либерально-рыночной модели развития отдельных стран и мирового сообщества в целом, что, по мнению некоторых исследователей, настоятельно требует организации глобального мониторинга социально-экономического и общественно-политического развития отдельных стран и мирового сообщества в целом. Это, в частности, касается сравнительной оценки устойчивости различных экономических систем, что является уже предметом глобальной геоэкономики (Татаркин А., Татаркин Д. 2009: 73–78). Завершая рассмотрение этого сюжета нашего дискурса относительно теоретического статуса глобальной геополитики, хотелось бы отметить, что применительно к современной России проект «автаркии больших пространств» должен, очевидно, реализоваться в следующих стратегических направлениях:

- укрепление и расширение Евразийского Таможенного союза;
- создание четвертой геоэкономической зоны, включающей континентальные страны дальнего зарубежья;

- установление режима «избирательной открытости» и дифференцированного подхода в сфере международных экономических отношений;
- глобальный мониторинг геополитической безопасности государства, его территориальной и демографической целостности;
- переход к мобилизационному режиму, в первую очередь в стратегических отраслях экономики.

В противном случае может произойти то, что представлено в экспертном прогнозе Института прикладной математики им. М. В. Келдыша РАН РФ в виде карты переустройства российской территории к 2030 г. в случае реализации инерционного сценария (то есть при сохранении нынешних показателей экономического роста) развития нашей страны. Согласно оценкам экспертов этого института, при сохранении нынешних тенденций в отечественной экономике и демографии в течение ближайших 20 лет от России могут отделиться Карелия, Чечня, Ингушетия, Дагестан, Калмыкия, Кабардино-Балкария, Карачаево-Черкессия, Татарстан, Башкирия.

Китай получит обширные территории на Дальнем Востоке (левый берег Амура и Уссури), Япония – все Курильские острова, Сахалин и часть западного берега Татарского пролива (ср. рис. 1 и 2).

Рис. 1. Современная Россия

Рис. 2. Сценарий вероятного распада России (2030 г.)

Источник: Малинецкий 2006.

Между континентальными владениями Японии и Китая будет создана «независимая» буферная зона, а большая часть Сибири, Дальнего Востока, Полярный и Приполярный Урал, а также Ненецкий автономный округ (входящий в Архангельскую область) отойдут к США (на рис. 2 темным цветом выделена территория, оставшаяся России в пределах северо-восточной части Евразии к 2030 г.) (Малинецкий 2006; Якунин и др. 2009: 360). Так реальностью недалекого будущего может стать устранение России как великой державы с тысячелетней историей с политической карты мира. Нерадостная перспектива ждет нас и наших потомков! Так что глобальная геополитика – это не миф, а реальность, которую надо исследовать, осмысливать и осваивать в интересах российского народа.

Проблема признания теоретического статуса глобальной геополитики имеет непосредственное отношение к выяснению того, как она взаимосвязана с такими принципиально новыми феноменами современной жизни, как глобальное оружие и глобальная безопасность. Сами по себе эти феномены требуют самостоятельного исследования, однако в единой связке глобальная геополитика, глобальное оружие и глобальная безопасность образуют такую глобальную систему, в которой принципиально новым образом решается вековечная проблема войны и мира. В данной статье я ограничусь лишь несколькими определениями, характеризую-

щими суть этой глобальной системы. В порядке постановки проблемы следует различать три вопроса: 1) о создании новых видов глобального оружия; 2) об организации и управлении боевыми операциями на глобальном театре военных действий; 3) о принципах организации глобальной безопасности современного мироустройства.

Еще в 2002 г. В. И. Слипченко достаточно четко определил сложившуюся на рубеже веков ситуацию и выявил, в ракурсе «военной футурологии», актуальность данной проблемы: «Экономически развитые страны не только осуществляют непрерывную военно-техническую революцию, но и вышли на рубеж революции в военном деле. Осуществляется новый колоссальный скачок в развитии вооружений, а вследствие этого и в формах и способах вооруженной борьбы и войны в целом. Наступает не только новый период войн оружия высоких технологий, но и период обесценивания роли ядерного оружия, значительного высвобождения человека и живой силы вообще от участия в вооруженной борьбе. Именно военная наука должна уделять внимание, прежде всего, изучению взаимосвязи между технологическими аспектами и далеко идущими революционными переменами в формах и способах вооруженной борьбы и войн нового поколения» (Слипченко 2002: 35–36).

В первом случае речь идет о принципиально новых видах глобального оружия, в качестве которых следует рассматривать геосферное и гелиосферное оружие. В свою очередь, разновидностями геосферного оружия являются атмосферное (климатическое), гидросферное и литосферное оружие.

Атмосферное оружие основано на использовании в качестве поражающего фактора искусственной инициации таких климатических явлений, как ураганы, ливневые дожди, циклоны, сели, наводнения, смерчи и др.

Гидросферное (гидрофизическое) оружие использует в качестве поражающего фактора также искусственно направляемые гидрофизические явления — цунами, подводные селевые и мутьевые потоки, подводные газогидратные извержения и др.

Литосферное оружие основано на использовании разрушающей энергии землетрясений, извержения вулканов, опускания земной коры, разломов и литосферных сдвигов, пепловысыпания и др.

Гелиосферное оружие занимает особое место во всем многообразии глобального оружия, поскольку его основное предназначение заключается в транспортировке естественной солнечной радиации к поверхности Земли и ее фокусировке над определенным регионом. Разновидностями гелиосферного оружия следует считать лазерное и плазменное оружие. Климатическое оружие в нынешних условиях следует рассматривать как оружие массового поражения и разрушения экономики отдельно взятой страны или стран, использующее в качестве поражающего фактора искусственное воздействие на природные ресурсы и климат отдельно взятой территории, страны, государства, материка, континента. Принцип работы климатического оружия основан на принудительном, искусственном воздействии на природные ресурсы и климат в локальном районе земного шара. В качестве механизма «пуска» могут быть использованы изобретения и технологии, обеспечивающие искусственно созданные техногенные катастрофы, влекущие за собой экологические катастрофы и, как следствие, создающие экономические проблемы (кризисы). Существование такого оружия, его разработки и применение офици-

ально пока не подтверждены, однако многочисленные публикации последнего времени, связанные с климатическими аномалиями, начинают понемногу приоткрывать завесу над этой проблемой.

Следует учитывать и иные классификации глобального оружия, в разряд которого исследователи относят также геофизическое оружие (Адушкин, Козлов 2010: 28–31). Важно иметь в виду, что отсутствие мировых регламентирующих документов по данной теме повышает вероятность появления и скрытого применения подобного оружия, а также использования его террористическими и антиобщественными группировками. Проблему геосферного, и в частности климатического, оружия необходимо держать в поле пристального внимания ученых, военных специалистов и политиков. Вопросы организации и управления боевыми операциями на глобальном театре военных действий в войнах шестого поколения рассматриваются в ракурсе сетецентрического подхода. Анализ его – тема отдельного исследования. Здесь следует сделать лишь несколько предварительных замечаний.

Во-первых, «сетецентрическая война» – это не совсем точный перевод английского термина «network-centric warfare». Более точный перевод: «сетецентрические военные действия». От неточного перевода идет и неточное понимание или даже непонимание сути проблемы. И все же термин «сетецентрическая война» уже прижился, и задача теперь заключается не в том, чтобы его изменить, а в том, чтобы его правильно понимать и употреблять. Итак, речь идет не о каком-то новом виде (типе) войны, а о сетецентрическом подходе к организации и ведению военных действий. Более того, в будущем такой подход будет аксиомой, и все военные действия будут неизменно основываться на принципе сетецентричности. Артур Себровски и Джон Гарстка, пожалуй, первыми четко сформулировали основные положения концепции «сетецентрической войны» в статье «Сетецентрическая война: ее происхождение и будущее» (Sebrowski, Garstka 1998).

Во-вторых, А. Себровски и Дж. Гарстка утверждают, что нынешняя эпоха глобализации, информационных технологий и революции в менеджменте ознаменовалась коренными преобразованиями в мире и обществе, в бизнесе и военном деле. Тот, кто отдает себе в этом отчет, кто не закрывает глаза на происходящие в мире изменения, а стремится активно взять их на вооружение, – тот побеждает. Побеждает в бизнесе, побеждает и в войне. По мнению авторов концепции «сетецентрической войны», происходящие в современном мире изменения являются революционными: «Мы переживаем эпоху революции в военном деле, подобной которой не было ничего с эпохи наполеоновских войн, когда Франция впервые претворила в жизнь концепцию массовой армии» (Попов б. г.). Можно спорить с авторами данной концепции, как это справедливо замечает И. М. Попов, по поводу ее революционной сущности, поскольку сетецентрические подходы в той или иной степени широко реализуются в системе государственного управления, бизнесе, экономике и технике. Эти подходы уже давно внедряются и в вооруженных силах разных стран мира, хотя и в ограниченных масштабах. И только единый скоординированный подход к внедрению сетецентрических технологий, принципов и методов в деятельности войск позволил говорить об этом явлении как о целостной концепции «сетецентрической войны». В этом целостном подходе и заключается революционная сущность рассматриваемой концепции.

Модель «сетцентрической войны» состоит из трех решеток-подсистем: информационной, сенсорной (разведывательной) и боевой. Основу этой системы составляет информационная решетка, на которую накладываются взаимно пересекающиеся сенсорная и боевая решетки. Информационная решетка-подсистема пронизывает собой всю систему в полном объеме. Элементами сенсорной подсистемы являются средства разведки («сенсоры»), а элементами боевой решетки – средства поражения («стрелки»). Эти две группы элементов объединяются органами управления и командования. Взаимоотношения между всеми элементами подсистем и самими подсистемами достаточно сложные и многоплановые, что позволяет, например, «стрелкам» поражать цели сразу по получении информации от «сенсоров» на основании приказа от органов управления или же самостоятельно. Основанная на данной модели возможная агрессия гипотетического противника, как свидетельствует опыт последних войн и военных конфликтов, проходит в два этапа.

Следует обратить внимание на географическую карту, на фоне которой изображены этапы агрессии и «пять колец полковника Уордена».

На первом этапе будут наноситься высокоточные воздушно-космические удары на всю глубину территории страны. Военные возможности США позволяют им применять до 1 тыс. крылатых ракет в сутки, не считая авиации ВВС и ВМС. В качестве целей для поражения выбираются критически важные объекты государства-жертвы. Списки приоритетов объектов поражения составляются еще в мирное время, исходя из концепции так называемых «пяти колец полковника Уордена», которая рассматривает противника в качестве системы, состоящей из пяти радиальных колец. В центре – политическое руководство; затем следуют система жизнеобеспечения; инфраструктура; население, и лишь в последнюю очередь – вооруженные силы. Подобная схема уже применялась в ходе агрессии НАТО против Югославии в 1999 г. Целью первого этапа агрессии будет полная дезорганизация системы государственного, экономического, военного управления; «ослепление» системы разведки и ПВО страны; деморализация населения, паника и шок; дезорганизация военных действий государства-жертвы. На втором этапе агрессии осуществляется наземное вторжение, которое начнется только тогда, когда цель первого этапа будет достигнута и если это будет признано необходимым. По сути, это будет зачистка местности (Попов б. г.).

Разработки глобального оружия и сетцентрических войн, по сути дела, ведутся в русле обеспечения глобальной безопасности однополярного мироустройства, которое инициируется в основном американскими аналитиками и военными стратегами. Подобное однополярное мироустройство представляется достаточно просто: оно представлено ядром (его образуют США, Западная Европа и их союзники) и периферией (слаборазвитые страны Азии, Африки и Латинской Америки). Между ними располагаются страны с присущей им цивилизационной самобытностью и специфическими политическими режимами, что создает определенные препятствия для полной их интеграции в ядро. К ним относятся Бразилия, Россия, Индия, Китай (БРИК), а также ряд бурно развивающихся стран Азиатско-Тихоокеанского региона. Для подобного мироустройства ключевым приоритетом глобальной безопасности является безопасность центра, сохранение, укрепление и расширение планетарного контроля в интересах этого центра, следуя принципу

«Что хорошо для США, хорошо для всего человечества». Контроль центра над миром как раз и требует новых механизмов и процедур, основанных на сетевом подходе, поскольку полностью интегрировать в однополярное мироустройство все территории и народы центр не способен. Так зародилась идея поддержания «управляемого хаоса» на периферии и сетевой принцип глобального контроля мироустройства-сети. Подобному сценарию противостоит обретающий все более четкие контуры сценарий многополярного мироустройства, акторами становления и устойчивого развития которого выступают геодивизации (Абылгазиев и др. 2010). Именно последним предстоит оппонировать однополярным инициативам в области обеспечения глобальной безопасности и (здесь я солидарен с А. Г. Дугиным) организовать «зону своего приоритетного влияния, включая политическую, мировоззренческую, социальную, культурную, языковую и экономическую модель Pax China, Pax Indiana, Pax Russica, Pax Latino-Americana и т. д. Границы между ними пройдут не по линии ныне существующих государственных рубежей, но по иным, более гибким и менее формализованным признакам (язык, этнос, культура, хозяйственная модель, религия и т. д.)» (Дугин 2010). Здесь необходима выработка комплексных и в чем-то асимметричных ответов. Это обсуждение проблемы в СБ ООН, других международных организациях, зачисление климатического и психотронного оружия в категорию оружия массового уничтожения и распространение на таковое соответствующих международных норм и правил, организация и поддержка широкого общественного движения против вмешательства в природные процессы и установление международного контроля над проводимыми исследованиями в этой сфере.

В. Л. Цымбурский как-то заметил, что создать новый, работающий в истории геополитический образ – все равно что создать пословицу, которая «воссоздавала бы некий ход развития обстоятельств и предлагала для них свою рекомендацию». Попытаемся и мы предложить подобного рода геополитический образ. Им может стать, следуя логике устойчивого развития, единство геодивизаций – «больших пространств», динамичное развитие которых в многополярном мире является залогом сохранения человечества.

Литература

Абылгазиев, И. И., Ильин, И. В., Кефели, И. Ф. (ред.) 2010. *Глобальная геополитика*. М.: МГУ. (Abylgaziev, I. I., Ilyin, I. V., Kefeli, I. F. (eds.) 2010. *Global geopolitics*. Moscow: Moscow State University).

Адушкин, В., Козлов, С. 2010. О возможности создания геофизического оружия. *Защита и безопасность* 4: 28–31. (Adushkin, V., Kozlov, S. 2010. On the possibility of creation geophysical weapon. *Protection and safety* 4: 28–31).

Акаев, А. А., Малков, С. Ю. 2009. Геополитическая динамика: возможности логико-математического моделирования. *Геополитика и безопасность* 4(8): 39–55. (Akaev, A. A., Malkov, S. Yu. 2009. Geopolitical dynamics: possibilities of logical-mathematical modeling. *Geopolitics and safety* 4(8): 39–55).

Вандам, А. Е. 2002. *Геополитика и геостратегия*. М.: Кучково поле. (Vandam, A. E. 2002. *Geopolitics and geostrategy*. Moscow: Kuchkovo pole).

Василенко, И. А. 2006. *Геополитика современного мира*. М.: Гардарики. (Vasilenko, I. A. 2006. *Geopolitics of the modern world*. Moscow: Gardariki).

Дугин, А. Г. 2010. *Глобальная безопасность*. URL: <http://konservatizm.org/konservatizm/theory/230210142701.xhtml> (Dugin, A. G. 2010. *Global safety*. URL: <http://konservatizm.org/konservatizm/theory/230210142701.xhtml>).

Макиндер, Х. 2006. Круглая земля и обретение мира (перевод и комментарии В. Цымбурского). *Космополис* 2(16): 56–69. (Mackinder, H. 2006. *The round world and winning of the piece* (translation and comments by V. Tsymbursky). *Kosmopolis* 2(16): 56–69).

Малинецкий, Г. Г. 2006. *Стратегический прогноз как основа для инновационной политики*. URL: http://www.keldysh.ru/departments/dpt_17/ph/pu.files/frame.htm#slide0014.htm (Malinetsky, G. G. 2006. *Strategic forecast as a basis for innovative policy*. URL: http://www.keldysh.ru/departments/dpt_17/ph/pu.files/frame.htm#slide0014.htm).

Попов, И. М. [Б. г.] «Сетецентрическая война»: готова ли к ней Россия? URL: <http://www.milresource.ru/NCW.html> (Popov, I. M. [no date] ‘Network-centric warfare’: Is Russia ready to it? URL: <http://www.milresource.ru/NCW.html>).

Постников, А. В. 2005. *Схватка на «Крыше мира»: Политики, разведчики, географы в борьбе за Памир в XIX веке*. М.: РИПОЛ классик. (Postnikov, A. V. 2005. *Strife on the ‘roof of the world’: Politicians, spies, geographers in the struggle for Pamir in the 19th century*. Moscow: RIPOL classic).

Пригожин, И., Стенгерс, И. 1994. *Время, хаос, квант*. М.: Прогресс. (Prigozhin, I., Stengers, I. 1994. *Time, chaos, quantum*. Moscow: Progress).

Розов, Н. С. (ред.) 2002. *Макродинамика: Закономерности геополитических, социальных и культурных изменений*. Новосибирск: Наука. (Rozov, N. S. (ed.) 2002. *Macrodynamics: Regularities of geopolitical, social and cultural changes*. Novosibirsk: Nauka).

Слипченко, В. И. 2002. *Войны шестого поколения. Оружие и военное искусство будущего*. М.: Вече. (Slipchenko, V. I. 2002. *Wars of the sixth generation. Weapon and military art of the future*. Moscow: Veche).

Татаркин, А. И., Татаркин, Д. А. 2009. Прогнозные оценки мирового кризиса. *Геополитика и безопасность* 1(5): 73–78. (Tatarkin, A. I., Tatarkin, D. A. 2009. *Projections of the world crisis*. *Geopolitics and safety* 1(5): 73–78).

Цымбурский, В. Л. Хэлфорд Макиндер: трилогия хартленда и призвание геополитика. *Космополис* 2(16): 26–55. (Tsymbursky, V. L. *Halford Mackinder: Trilogy of Heartland and vocation of a geopolitician*. *Kosmopolis* 2(16): 26–55).

Якунин, В. И., Багдасарян, В. Э., Сулакшин, С. С. 2009. *Новые технологии борьбы с российской государственностью*. М.: Научный эксперт. (Yakunin, V. I., Bagdasaryan, V. E., Sulakshin, S. S. 2009. *New technologies of struggling for the Russian statehood*. Moscow: Scientific expert).

Allen, J. L. (ed.) 2006. *Student Atlas of World Politics*. University of Wyoming.

Cebrowski, A. K., Garstka, J. H. 1998. Network-Centric Warfare: Its Origin and Future. *Proceedings* 124/1/1, 139 (January).